

Катунин Ю.А.

О ПРОБЛЕМАХ ВОЗРОЖДЕНИЯ СОБОРА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

В последние годы в Крыму активно дискутируется вопрос о восстановлении в Симферополе собора Александра Невского, разрушенного большевиками 27 сентября 1930 года. Возрождение ни одного из храмов полуострова не вызвало столь активной дискуссии, как восстановление кафедрального собора, являвшегося в течение ста лет не только архитектурной достопримечательностью города, но и важным духовным центром столицы Крыма. Почему проблема возрождения храма имеет не только активных сторонников, к которым относятся верующие Московского патриархата и высшее руководство полуострова, но и активных противников этого строительства, в том числе и архитекторов Крыма, фактически отказавшихся принимать участие в конкурсе по созданию проекта, который был объявлен комиссией, в состав которой входят высшие должностные лица города и республики и духовные деятели?

Однозначного ответа на этот вопрос нет. Если говорить о сторонниках этого проекта, то наиболее заинтересованным лицом выступает православная церковь Московского патриархата. Можно понять стремление верующих и духовенства этой церкви, желающих не только восстановить историческую справедливость, но и построить еще один храм в самом центре города. Однако не все так просто с правовыми аспектами восстановления этого собора. Дело в том, что Симферопольская и Крымская епархия Московского патриархата не имеет сегодня достаточно веских юридических оснований считать себя единственным правопреемником при восстановлении данной святыни. Об этом речь пойдет далее.

На чем основаны интересы лидеров города и республики, активно поддерживающих церковь в вопросе создания «духовно-патриотического» центра и не прислушивающихся к мнению противников возрождения храма в его первоначальном виде, сказать сложно. Однако можно предположить, что ими движет не только желание возродить святыню, но и получить при этом определенные политические и экономические дивиденды.

Противники возрождения храма считают, что строительство собора нецелесообразно в этом сквере не только из-за наличия здесь мемориала воинам, погибшим в годы Отечественной войны, но и из-за сложившихся в этом районе города архитектурных особенностей.

Прежде чем проанализировать эти точки зрения, приведем историческую справку об основных этапах строительства храма и деятельности общины собора Александра Невского в годы советской власти.

Симферопольский одноалтарный соборный храм во имя Александра Невского был освящен архиепископом Гавриилом (Розановым) 3 июня 1829 года. Строительство собора продолжалось 6 лет. Торжественная закладка фундамента собора состоялась 12 марта 1823 года. Она была приурочена к годовщине восшествия на престол Александра I. Общий надзор за строительством храма, который сооружался по проекту И. Шарлемана, осуществлял архитектор И. Ф. Колодин. При строительстве собора использовались крымские материалы, которые из местных каменоломен поставляли греки и крымские татары. Колокола на собор накануне освящения храма были перенесены с Петропавловского собора г. Симферополя.

В 1831 году И.Ф. Колодин разработал проект благоустройства территории вокруг храма.

В 1842 году каменный пол в соборе был заменен деревянным, а через 20 лет, в 1862 году, пол был заново выложен из паркета.

В 1844 году была проведена частичная перестройка собора: к зданию храма была достроена ризница, трапезная и притвор с колокольней. В освободившемся здании ризницы в 1866 году был устроен престол во имя Гурия Казанского.

В 1869 году в храме создаются 3 алтаря и пристраивается галерея. В 1881 были начаты, а в 1884 году окончены работы по перестройке храма. Собор был удлинен, и заново сооружена колокольня. В начале XX века вокруг территории собора была установлена ажурная железная решетка.

В 1860 году, после принятия решения о создании Таврической епархии, был изменен статус собора: из главного городского собора он был преобразован в кафедральный собор епархии, что позволило в дальнейшем изыскать средства для его серьезной перестройки.

К кафедральному собору были приписаны следующие храмы г. Симферополя: церковь Успения св. Анны, расположенная на новом городском кладбище; часовня во имя Александра Невского - на площади возле городского фонтана; часовня св. Николая, построенная в 1892 году в соборной ограде; греческая Троицкая церковь и церковь Петра и Павла [1].

В 1909-1910 годах прихожанами собора были представители следующих сословий: духовные лица – 36 человек; военные – 586; статские – 176; купцы, мещане, обыватели – 416; государственные крестьяне – 61; общественные крестьяне – 92 [2].

Накануне революционных потрясений 1917 года собор Александра Невского был не только символом г. Симферополя, но и важнейшим духовным центром столицы Крыма, в котором проводились торжественные мероприятия, рукоположения во епископы и т.д. Так в годы Гражданской войны в храме во епископы был рукоположен Вениамин (Федченко), являвшийся главой духовного управления армии барона Врангеля.

В годы Гражданской войны духовенство храма, как, впрочем, и все духовенство Крыма, поддержало Белую армию, с которой активно сотрудничал глава Таврической епархии – архиепископ Димитрий, являвшийся не только постоянным членом, но и главой «Временного Высшего церковного управления на юго-востоке России» (ВВЦУ), действовавшего на территории, занятой войсками Деникина и Врангеля.

В ноябре 1920 года, в ходе боев за Симферополь, на колокольне кафедрального собора был установлен пулемет, из которого обстреливали красноармейцев, наступающих со стороны железнодорожного вокзала. Из-за этого события все Симферопольское духовенство оказалось на подозрении у новой власти. В ГПУ Крыма для объяснений был вызван архиепископ Димитрий (Абашидзе). Вместе с архиепископом в ГПУ давали показания протоиереи кафедрального собора Николай Казанский, клирик этого же собора Евгений Сальков, а также протоиереи Димитрий Марков и Николай Мезенцев [3]. Депутации священников удалось убедить сотрудников ГПУ в своей непричастности к этому событию, которое могло стать поводом для начала террора в отношении священнослужителей Крыма.

В первые месяцы после установления советской власти все храмы полуострова в соответствии с декретом СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» были национализированы и стали «общенародной» собственностью. В соответствии с новыми законами храмы передавались не в распоряжение духовенства церкви, а в пользование общины верующих, которая должна была состоять не менее чем из 20 человек. Группа граждан, являвшихся учредителями общины, назывались «двадцаткой».

В начале 20-х годов XX века в Русском православии произошел раскол на ряд враждующих между собой течений, среди которых особую роль играли сторонники патриарха Тихона, именуемые «староцерковниками», и «обновленцы» во главе с митрополитом А. Введенским.

В ноябре 1922 года в Крыму органами власти был инициирован судебный процесс над группой православного духовенства во главе с архиепископом Никодимом, члены которой являлись сторонниками «староцерковного» движения. В отношении архиепископа Никодима и группы священников епархии были выдвинуты обвинения в сокрытии ценностей в период голода 1921-1922 годов. В крымской прессе этот процесс именовался «Делом церковников». Одним из «экспертов» по делу «церковников» являлся лидер «обновления» Крыма Е. Эндека.

Поддержав «обновленцев», которые призывали верующих признать власть Советов, крымские органы инициировали передачу храмов епархии, в том числе и кафедрального собора Александра Невского, сторонникам этого движения.

За несколько недель до начала процесса над Крымским духовенством, 5 августа 1922 года, в НКВД Крыма поступило заявление от 20 верующих г. Симферополя, принадлежащих к «староцерковному» течению, с просьбой о передаче в их пользование здания кафедрального собора. Более месяца это заявление не рассматривалось органами власти.

12 сентября 1922 года в НКВД поступает заявление от лидера «обновленцев» Крыма протоиерея Эндеке о передаче кафедрального собора в пользование верующих «Живой церкви».

Учитывая, что в заявлении Эндеки отсутствовали подписи 20 верующих, было принято решение рассмотреть его заявление на заседании специальной комиссии. Лидеру «Живой церкви» в течение месяца с большим трудом удалось найти 20 верующих, которые подписали заявление о передаче в их пользование здания кафедрального собора.

23 ноября 1922 года в ходе суда над «церковниками» комиссия в составе заведующего церковным подотделом НКВД Ф. Седых и представителя комиссариата юстиции А. Туманова, в присутствии настоятеля кафедрального собора протоиерея Назаревского, ключаря Казанского, протодиакона Хоменко и старосты Чернетенко произвела проверку имущества собора. Комиссия сравнила опись имущества, составленную 7 мая 1922 года, с наличными вещами и сделала заключение о том, что все зафиксированное в описи имущество имеется в наличии, за исключением двух дарохранилищ (медной и серебряной), ящика с третьей дарохранилищем, чаши для причастия, ковша для теплоты и тарелки из меди, которые были похищены 21 ноября 1922 года, когда в храме была обнаружена кража вещей. В храме в наличии оказались лишние вещи, в том числе вместо 88 диаконских стихарей их было 103, а вместо 67 риз – 82 [4].

На второй день после завершения процесса 2 декабря 1922 года НКВД Крыма разрешил «обновленческому» протоиерею Калиновскому провести для верующих города службу в главном храме полуострова вместо осужденного трибуналом духовенства кафедрального собора. Однако служба не состоялась из-за волнений верующих, возмущенных решением властей, осудивших к различным срокам заключения архиепископа Димитрия и некоторых священников епархии.

12 декабря 1922 года на заявлении верующих «обновленческого» движения в НКВД Крыма была наложена следующая резолюция: «Заклучить договор с группой «Живая церковь» на передачу в пользование, согласно закону, архиерейского подворья, *собора города*, часовен и Козьмодомьяновского подворья г. Симферополя»[5].

18 декабря ключи и имущество храма были переданы в распоряжение Таврического епархиального управления (ТЕУ) - высшего духовного органа «обновленческого» движения Крыма. Однако служба, намеченная на этот день в соборе, не состоялась, так как органы власти не успели передать руководству ТЕУ необходимое количество имущества, по этой причине вечернее богослужение было проведено в Николаевской церкви г. Симферополя.

Вскоре после начала богослужения толпа верующих в количестве 200-300 человек, возглавляемая жителем г. Симферополя Моргуновым ворвалась в Николаевскую церковь, сорвала богослужение и устроила в храме погром. Угрожая расправой «обновленческому» епископу Петру, протоиереям Калиновскому и Дикареву, верующие отобрали у них ключи от кафедрального собора.

В докладной записке в НКВД по поводу произошедшего инцидента епископ Петр указал, что особую роль в организации погрома играли: архиепископ Дамаскин, священники Бычковский и Усов, псаломщик

Марков, миряне инженер Ларионов и его жена, а также верующая Н. Чуприлина.

19 декабря 1922 года прокуратурой Крыма в отношении зачинщиков беспорядков было возбуждено уголовное дело. Для предотвращения подобных инцидентов по решению органов НКВД храм был вновь опечатан.

5 марта 1923 года НКВД Крыма принимает специальное решение, в котором говорилось: «1. Объявить Симферопольский Александро-Невский собор центральным государственным хранилищем предметов религиозного культа на территории всего Крыма.

2. Означенный собор не подлежит передаче религиозной группе в качестве места отправления богослужения и исключается из списков коммунальных имуществ, предназначенных для этих целей.

3. Всякое имущество религиозного культа всех вероисповеданий, ликвидированное в установленном порядке местными отделами управления, подлежит сдаче в государственное хранилище – бывший Александро-Невский собор»[6].

В этот же день, 5 марта 1923 года, было инсценировано ограбление нового «склада». Проникшие в храм злоумышленники разбросали имущество и осквернили храм [7].

К концу марта в новом церковном хранилище находилось более 2,5 тысяч вещей, в том числе: 115 икон; 3 дарохранительницы; 1 дароносица; 2 металлических мирницы; 17 деревянных аналоев; 6 престолов и жертвенников; 27 комплектов архиерейских облачений; 113 комплектов облачений священников; 109 комплектов диаконского облачения и т.д. [8].

Однако после того, когда властям Крыма силовыми методами удалось успокоить на полуострове «староцерковную смуту», вновь стал вопрос о передаче собора верующим, естественно, что единственными претендентами на собор оказались сторонники «обновленческой» церкви.

11 сентября 1923 года в НКВД Крыма с заявлением о передаче в их пользование кафедрального собора обратилась группа жителей г. Симферополя в количестве 21 человека. В этот же день их заявление без каких-либо процедур согласования было удовлетворено. В типовый договор о передаче верующим в пользование здания и церковной утвари от руки был дополнительно дописан пункт следующего содержания: «За нарушение всех зависящих от нас мер к выполнению обязанностей, вытекающих из сего договора, за прямое его нарушение мы подвергаемся уголовной ответственности по всей строгости Советского законодательства, причем договор может быть расторгнут по Постановлению Президиума КрымЦИКа» [9].

Инициативная группа верующих, заключившая договор пользования с Симферопольским исполкомом, оказалась несколько «неудобной» и неуправляемой для руководства Таврического епархиального управления. Руководство ТЕУ не могло найти компромисса с «двадцаткой» храма по многим финансовым вопросам. В августе 1924 года епархиальное управление попыталось снизить роль «двадцатки» собора, обратившись в ЦАУ Крыма с заявлением, в котором отмечалось, что Александро-Невский собор является достоянием всей епархии, поэтому хозяйственная и юридическая зависимость собора от совета учредителей – «двадцатки», является крайне неудобной. ТЕУ просило Центральное Административное управление внести в договор пункт о контроле Епархиального управления над советом учредителей или же передать собор пленуму ТЕУ [10]. Эти пожелания епархиального управления остались на бумаге, ЦАУ, мотивируя свои действия рядом циркуляров и положений, отказал ТЕУ.

В июне 1925 года состав учредителей общины существенно расширился, несколько жителей Симферополя написали заявление о вхождении в состав «двадцатки».

В 1926 году службу в храме проводили: 34-летний протоиерей Попов Николай Павлович, 55-летний протоиерей Радковский Дмитрий Петрович и 22-летний диакон Пивоваров Евлампий Николаевич [11].

В декабре 1927 года на должность протодиакона собора Крымское митрополитанское церковное управление (КМЦУ), ставшее в 1925 году преемником Таврического епархиального управления, назначило Шонгутского Николая Петровича, переведенного в Крым из Астраханской епархии [12].

Совет и духовенство собора проводили достаточно активную духовную деятельность, которая позволяла ежегодно собирать весьма большие суммы денег, так как прихожанами собора являлись многие жители города Симферополя. Однако руководство собора использовало их крайне неэффективно. Первые экономические проблемы в деятельности общины храма стали проявляться весной 1926 года.

В ночь с 22 на 23 марта 1926 года в соборе была совершена кража. В храме были похищены: 3 напестольные дарохранительницы, 5 крестов, крест Голгофа, 2 занавески, черное бархатное покрывало и т.д. Всего было похищено более 40 вещей.

Кража произошла из-за того, что руководство общины решило сэкономить на содержании охраны храма. Представители «двадцатки», арендующие храм у государства, обратились в органы власти с просьбой о предоставлении им вместо похищенного имущества церковной утвари, хранившейся на центральном церковном складе. Ответ был отрицательным. Секретарь Симферопольского РИКа Богомолов уведомил арендаторов, что они немедленно обязаны организовать охрану имущества собора. В случае отказа общины выполнить это условие, договор с ней мог быть расторгнут. По мнению органов власти, украденные вещи можно было восстановить, обратившись в другие церкви[13].

25 сентября 1926 года руководителем стола религиозных культов Симферопольского горрайисполкома А.И. Муромцевым была проведена ревизия-проверка наличия и состояния имущества Александро-Невского собора. Техническое состояние здания было признано удовлетворительным. Однако было отмечено, что в самом храме уборка производится редко (один раз в месяц), из-за чего на стенах и киотах скопилась пыль. Руководство общины, имея для этого необходимые средства, не нанимало людей для уборки

храма. Немедленного ремонта требовал пол в колокольне. Учет церковного имущества не велся. В целом состояние имущества, которое было передано общине в пользование, было признано удовлетворительным. Всего в распоряжении общины было 289 вещей церковного и обиходного характера [14].

10 ноября 1926 года на основании Правил страхования от огня, утвержденных Наркомфином РСФСР еще в 1922 году, община Александро-Невского собора была вынуждена оплатить за 12 месяцев пошлину в сумме 119 570 рублей. Общине разрешили выплачивать эту сумму в рассрочку [15]. Для общины выполнить эти требования оказалось достаточно сложно.

26 января 1927 года состояние финансовой дисциплины в храме проверила ревизионная комиссия, состоящая из священников и мирян прихода. Комиссия выявила, что с 12 июля 1925 года по 26 января 1927 года в кассу было оприходовано 8082 рубля 69 копеек. Расход составил 7540 рублей 42 копейки. Остаток составил 542 рубля 27 копеек. Основной статьей дохода была продажа свечей, просфор и тарелочный сбор. При проверке всех статей доходов и расходов оказалось, что староста храма небрежно вел учет денежных средств, в результате чего у него образовалась недостача в сумме 239 рублей 44 копейки [16]. Решением общего собрания «двадцатки» староста Н.И. Марцинюк был освобожден от занимаемой должности и обязан был внести эту сумму в кассу собора.

В 1927 году начался массовый выход верующих из состава учредителей общины. В августе этого года из ее состава вышли Т.Г. Дронникова, Т.Г. Бородин, С.Д. Подлипный, Г.У. Палкин и Н.Д. Алтухов. В совете прихода начались склоки. В своем заявлении в совет кафедрального собора член «двадцатки» Бородин Тихон Гаврилович написал: «Прошу исключить меня из членов «двадцатки». Причина – не нахожу нужным работать в грязи» [17].

15 октября 1927 года органы власти вновь потребовали от руководства собора уплатить в Госстрах 119 570 рублей [18].

В июле 1928 года из состава «двадцатки» вышли еще 3 человека.

В 1928-1929 годах собор оказался в запущенном состоянии. Община и духовенство храма, погрязнув в постоянных «разборках», практически не занималась ремонтом и благоустройством огромного здания собора.

Прибывший летом 1928 года в Симферополь митрополит Иосиф Кречетович, зная о финансовых проблемах собора, отказался от братской кружки на его личное содержание. Однако он не мог мириться с тем состоянием, в котором как по вине общины, так и по вине духовенства собора находился главный православный храм полуострова.

Митрополит постоянно требовал не только от старосты общины Кесарийского, но и от священников собора наведения порядка и усиления влияния на паству. Его требования находили поддержку среди верующих прихода и осложняли отношения с «двадцаткой» учредителей.

В марте 1929 года конфликт между митрополитом и «двадцаткой» достиг своей высшей точки. Некоторые члены «двадцатки» направили в Синод заявление, в котором обвинили митрополита в узурпации власти, отсутствии коллегиальности при решении вопросов и т.д. Органами НКВД был арестован священник храма, протоиерей Попов. Вместо него «двадцатка» стала предлагать на эту должность одного из протоиереев г. Симферополя. Митрополит отказался поддержать эти требования, рассчитывая, что незаконно арестованный священник будет освобожден. Эта позиция митрополита и привела к разрастанию конфликта между ним и «учредителями» общины [19].

Обострение конфликта между «двадцаткой» и митрополитом во многом было спровоцировано и поведением протоиерея кафедрального собора Дмитрия Радковского, который весной 1929 года подал заявление о предоставлении ему очередного отпуска. Покинув Крым, протоиерей не вернулся по его окончании к месту службы, не сообщив о причинах своего отсутствия. У верующих появилась информация, что Д. Радковский подыскал себе другое место службы за пределами Крыма. Вплоть до 15 июня 1929 года в митрополии все надеялись на его возвращение. На заседании КМЦУ было принято решение считать вакантным с 15 июня 1929 года священническое место в кафедральном соборе [20].

После принятия этого решения летом 1929 года в Крыму объявился протоиерей Радковский, которому, как нарушителю дисциплины, естественно, было отказано в устройстве на службу в храм. Этот повод был использован некоторыми членами совета учредителей для сведения счетов с митрополитом, - на него был подготовлен политический донос.

Дискредитацией имени митрополита и снижением его авторитета для верующих стали заниматься и крымские органы власти.

3 июля 1929 года исполнялось 100 лет со времени освящения Симферопольского кафедрального собора. Крымское митрополитанское церковное управление планировало провести накануне празднования юбилея храма пленум, на который предлагалось пригласить представителя Вселенского Патриарха в СССР Димопуло. Приглашение Димопуло было необходимо «обновленцам» для укрепления взаимоотношений с греческими храмами, действовавшими в Крыму.

14 июня 1929 года митрополит Иосиф Кречетович был вызван в ЦАУ Крыма и дал подписку о том, что организация торжественного богослужения в Симферопольском кафедральном соборе 16 июня 1929 года является незаконным съездом духовенства. Митрополит обязан был отменить богослужение [21]. Запрет на проведение торжественного пленума за два дня до намеченной даты был вынесен ЦАУ умышленно. С одной стороны, в случае его проведения, это позволяло арестовать всех его участников, с другой, - в случае отмены, наносило удар по авторитету главы митрополии, который не смог договориться с органа-

ми власти о проведении этого серьезного мероприятия.

ЦАУ разрешило провести пленум КМЦУ 12-13 сентября 1929 года. Однако это был самый непродолжительный за все время существования пленум «обновленческой» Синодальной церкви Крыма, на котором его участники фактически предали своего лидера. Этому предшествовали следующие события.

28 июля 1929 года состоялось общее собрание «двадцатки» кафедрального собора. Председателем собрания был избран М.А. Адзерико, секретарем – А.Ф. Кесарийский. На собрании против митрополита было выдвинуто два обвинения. Собрание обвинило митрополита в том, что он нанес собору ущерб в сумме 1000 рублей, так как в своих проповедях отказался выполнить требование общины о призывах к верующим о жертвовании на ремонт и содержание храма и клира.

Собрание приняло решение о прекращении содержания митрополита[22]. Второе обвинение в отношении митрополита было явно провокационным, это было обвинение в политической неблагонадежности Владыки. В постановлении собрания утверждалось: «Митрополит Иосиф неоднократно говорил проповеди, нарушая 3 пункт договора, коим члены «двадцатки» обязаны не допускать проповедей и речей, враждебных советской власти или ее отдельным представителям».

КМЦУ, рассмотревшее этот вопрос на своем заседании 15 августа 1929 года, отметило, что «митрополит никогда и ничего не говорил против Советской власти или ее отдельных представителей. Адзерико и Кесарийский конкретных фактов в протоколе не представили, ибо представить не могут, ограничиваясь вместо этого голыми обвинениями, ни на чем не обоснованными и, однако, содержащими в себе тяжкий политический донос»[23].

Это определение КМЦУ верно определило поведение «двадцатки» собора. Не имея серьезных оснований для доказательства своей правоты, учредители использовали прием политического обвинения, вернее доноса, что в дальнейшем сыграло роковую роль в жизни митрополита Иосифа.

19 августа 1929 года по заявлению члена «двадцатки» кафедрального собора Александра Невского, бывшего старосты собора Н. Марцинюка, Наркомфином Крыма было описано имущество митрополита Иосифа и ключаря собора Н. Попова якобы за погашение долгов кафедрального собора перед государством.

Н. Марцинюк был одним из тех немногих членов «двадцатки», который выступал против женатого митрополита. Он мотивировал это тем, что содержание семьи митрополита - слишком тяжелое бремя для общины. Это вынудило митрополита отказаться от дополнительной суммы материального вознаграждения, которая должна была поступать от общины собора.

Митрополит Иосиф и протоиерей Попов изложили свою точку зрения в Минфине, после чего было принято постановление об отказе в проведении описи имущества. В постановлении отмечалось: «1. Признать неправильным производство 19 августа 1929 года финагентом Добровольским описи имущества И.П. Кречетовича и Н.П. Попова на погашение числящейся за Александро-Невским собором недоимки по налогу со строений, и таковую опись отменить.

2. Предложить Симферопольскому райфинотделу предъявить правлению общества, взявшему в аренду здание собора, в недельный срок погасить числящиеся за ним недоимки и предупредить, что при неуплате недоимок Симферопольский финотдел в установленном порядке возбудит вопрос перед РИКом о расторжении договора и отобрании предоставленного в пользу общества здания»[24]. Постановление подписал Народный комиссар финансов Крыма Шутяев.

В сентябре 1929 года митрополит Иосиф Кречетович был арестован органами ГПУ по политическому доносу общины кафедрального собора за «антисоветскую пропаганду».

17 сентября 1929 года на пленуме КМЦУ заведующий столом религиозных культов НКВД Б. Тавровский зачитал протокол собрания «двадцатки» кафедрального собора. По итогам работы пленума был составлен один из самых коротких протоколов, который достаточно красноречиво отражает атмосферу общества того периода, когда ложь была основой для уничтожения миллионов людей. Духовенство Синодальной церкви писало: «Мы, пастыри и делегаты пленума КМЦУ, прибывшие на очередной пленум 17 сентября 1929 года, ознакомившись с протоколами «двадцатки» Александро-Невского кафедрального собора г. Симферополя от 28 июля 1929 года с прискорбием отмечаем, что митрополит Иосиф (Кречетович) нарушил не только один из основных принципов обновленчества, но и слово Святого Апостола Павла (Посл. к Рим. гл. 13.): «Всякая душа да будет покорна властям». Поэтому делегаты пленума с глубоким возмущением постановляют: пленум КМЦУ считать несостоявшимся и осудить враждебную властям деятельность митрополита Иосифа. Одновременно просит сыновне обратить внимание Св. Синода на примирительное его отношение к деятельности митрополита Иосифа, которая ему (Св. Синоду) была известна. Вместе с тем, также просим сыновне обратить внимание Св. Синода на более внимательный подбор руководителей обновленческого движения в условиях внедрения собороправности и лояльности к властям.

В связи с этим прискорбным событием делегаты пленума поручают протоиереям о. Василию Бреневу и о. И. Федорову выразить их (делегатов) сожаление представителям Власти и заверить, что делегаты пленума остаются по-прежнему лояльны к Соввласти и примут все меры к тому, чтобы в жизни Синодальной церкви Крыма впредь этого избегать»[25].

Мы специально приводим имена людей, близко сотрудничавших с епископом, у которых не появилось даже тени сомнения в правильности выдвинутых против него обвинений, ни одним словом не вступившихся за своего Пастыря. Одна ложь породила другую ложь. Протокол подписали: епископ Севастопольский и Ялтинский Вениамин; протоиереи К. Ильинский, П. Городецкий, Н. Битин, Л. Плохинский, И.

Федоров, П. Ковалев, К. Матушевский, Ф. Сукованченко, А. Капустин, Н. Попов; архимандрит Венедикт; священники Г. Собченко и В. Сорокин; секретарь протоиерей В. Бренев.

Члены пленума, предав главу своей Митрополии, узаконили политический донос общины кафедрального собора г. Симферополя. Расплата за предательство была достаточно быстрой.

На следующий день, 18 сентября 1929 года, собор посетила комиссия Симферопольского горсовета, которая ознакомилась с техническим состоянием здания и приняла решение о необходимости проведения капитального ремонта храма. Акт был подписан членами «двадцатки». Отдел коммунального хозяйства Симферопольского горсовета составил смету, общая стоимость которой составила 12 449 рублей 79 копеек. Смета была вручена старосте собора Адзерико Макару Афанасьевичу, который дал подписку о том, что ремонт будет произведен в месячный срок[26].

В 1929 году община кафедрального собора была должна райфинотделу 1000 руб. 74 коп. налогов со строений. Должником оказалась и община Петропавловского собора, ее долг составлял 317 руб. 04 коп. Райфинотдел поставил вопрос о расторжении договоров аренды с общинами этих храмов.

Для погашения долгов были затребованы списки всех членов «двадцатки» начиная с 1923 года для взимания с них суммы недоимок. Возникновение финансовых проблем, связанных с неуплатой налогов, а также большие затраты, необходимые для ремонта оборудования привели к тому, что 19 человек из числа «двадцатки» собора подали письменное заявление о выходе из состава учредителей.

Собор был опечатан органами власти Симферополя. На его двери было вывешено объявление, которое мы приводим без изменений: «Согласно ст. 37. Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8/IV – 29 г. доводится до сведения граждан, что вследствие отказа верующих («двадцатки» и духовенства) от дальнейшего пользования собором Александр-Невский собор – ЗАКРЫТ.

10 декабря 1929 года»[27].

25 декабря 1929 года Президиум ЦИК Крымской АССР принял решение о ликвидации Александр-Невского собора. Все вещи собора были переданы в Госфонд НКФ Крыма.

С декабря 1929 года по май 1930 года в органы власти Крыма с просьбой о передаче храма в пользование больше не обращалась ни одна группа верующих.

28 марта 1930 года комиссия в составе представителей Админотдела В.М. Пашура, Союза безбожников – М.И. Попова и комхоза М.Б. Сакань составила акт о том, что они осмотрели помещения заброшенного храма и установили следующее: «Помещение бывшего собора находится в самом заброшенном состоянии из-за того, что Симферопольский Административный отдел оставил двери незакрытыми, в помещении собора устроили ночлег беспризорники, были случаи изнасилования в нем девушек. Стекла все выбиты, оконные рамы все расхищены, доски с полов и линолеум с полов содран и расхищен. Электропроводка и выключатели срезаны, печные приборы также вырваны... Все помещения находятся в бесхозяйственном состоянии»[28].

Судьба храма не волновала ни органы власти, ни церковь. Постепенно храм стал зияющей раной на теле города. Превращенный падшими людьми в отхожее место, он стал не только пристанищем бомжей и беспризорников, но и местом зловония и антисанитарии. Запустение душ человеческих и безразличие пастырей духовных привели к гибели этого памятника культуры и архитектуры, являвшегося в течение столетия украшением столицы Крыма.

С храма были сняты все колокола. 30 мая 1930 года КрымЦИК принял решение о ликвидации храма и передаче земельного участка под строительство панорамы «Взятие Перекопа».

19 сентября 1930 года в присутствии комиссии, состоявшей из протоиерея Петропавловского собора Николая Попова, протоиерея Ново-Кладбищенской Всехсвятской церкви Николая Швеца, а также представителя административного отдела Александра Бейбиенко было произведено перезахоронение 5 священников, похороненных в здании собора и на прилегающей к нему территории сквера на территорию нового городского кладбища.

В соборе были похоронены: архиепископ Гурий (Карпов † 1882 г.), архиепископ Михаил (Грибановский † 1898 г.) и митрополит Алексей (Замараев † 1927 г.). В ограде собора были похоронены протоиереи Михаил Марков и Павел Троицкий.

При переносе праха были совершены все религиозные обряды.

В ночь с 26 на 27 сентября 1930 года храм был взорван.

Таким образом, из этой трагической страницы истории Крыма можно сделать несколько выводов.

Во-первых, бесспорно, что основную роль в ликвидации этого культового и исторического памятника сыграло государство, зараженное в эти годы истерией большевизма и сталинизма и уничтожавшее не только культовые памятники, но и миллионы наиболее талантливых граждан своей страны. Однако если быть до конца объективными, то следует сказать о том, что и сама церковь повинна в уничтожении этого культового памятника, ставшего символом столицы Крыма, вернее, вначале церковь своими действиями провоцировала органы власти к принятию решения о закрытии храма, а затем – своим бездействием и безразличием - способствовала его уничтожению.

Во-вторых, решая сегодня вопрос о возрождении этого культового памятника, мы должны помнить о том, что его последним пользователем являлось «обновленческое», а не «староцерковное» течение Русской православной церкви, преемницей которого сегодня в Крыму является Симферопольская и Крымская епархия РПЦ Московского патриархата. Поэтому на территорию, где до 30-х годов XX века располагалось здание собора, сегодня могут претендовать и другие православные церкви, действующие в Крыму. И

если уж восстанавливать это культовое здание, то это должен быть храм единения враждующих сегодня между собой православных церквей, в котором по очереди, а может быть и вместе, проводили бы службу клирики Московского и Украинского патриархатов, Украинской автокефальной и Заграничной православных церквей. Этот храм, учитывая многонациональный состав населения Крыма, стал бы первым храмом единения православных верующих всей Украины. В этом случае в финансировании проекта по восстановлению этого храма могло бы принять участие и государство, выделив необходимые средства из бюджета Крыма.

Вместе с тем можно высказать и серьезные сомнения в целесообразности восстановления этого памятника. Любое восстановление разрушенных памятников, которые строились в течение десятилетий в XIX веке, сегодня будут являться всего лишь неким «аналогом» или «подобием», а не копией памятника, причем «аналоги» очень часто создаются достаточно примитивно и из низкокачественных материалов. Поэтому говорить о восстановлении полной копии храма, в котором бы присутствовал дух истории, не приходится. Об этом свидетельствует история восстановления храма Христа Спасителя в столице России. При этом нужно учитывать, что в зоне восстановления храма сформирована совершенно иная градостроительная ситуация, чем та, которая была при возведении храма в XIX веке, а это потребует проведения строительства в очень сжатые сроки, так как в этой части проходят основные дорожные коммуникации города с ежегодно возрастающей автомобильной нагрузкой на центральную часть столицы Крыма. Такие здания, как собор Александра Невского, необходимо строить основательно и не торопясь. Из истории нашего города мы знаем, что разрушенный в 30-е годы XX века собор являлся вторым зданием храма, а первое здание были вынуждены разобрать из-за низкого качества работ и разрушений, возникших от многолетнего «долгостроя». А не появится ли в городе очередной «долгострой», который не только изуродует центр города, но и парализует движение в центре города на многие годы?

Есть и еще одна причина, по которой в XIX веке были вынуждены не только построить новое здание храма, но и перенести его в другое место, – это рельеф местности, где был построен храм. Первый храм строился на берегу реки Салгир, на месте расположения лагеря Суворова. Уже тогда это место было признано достаточно неудачным, и поэтому новое здание храма перенесли на несколько сот метров в сторону. После Второй мировой войны на берегу Салгира, в районе редутов Суворова, были построены многоэтажные строения – гостиница «Украина» и здание Главпочтамта, в результате чего сформировался завершенный архитектурный ансамбль, основой которого явился сквер с расположенными здесь могилами воинов, погибших при освобождении Симферополя от фашистов и установленным на месте их захоронения танком – символом Победы. Воссозданный на прежнем месте храм уже не станет символом города, так как он окажется в окружении довлеющих зданий, которых не было в период его существования в XIX-XX веках. Аналог здания собора будет поглощен окружающими его достаточно высокими зданиями Верховного Совета АРК, министерства финансов, Главпочтамта и гостиницы «Украина».

Есть еще одна причина, над которой нужно задуматься, прежде чем затевать эту стройку. Она связана с глобальным потеплением и естественным подъемом воды. Для строительства храма, который будет расположен в непосредственной близости от достаточно крутого берега реки Салгир, необходимо провести серьезные работы по созданию фундамента под здание весом в несколько десятков тысяч тонн. А не приведет ли это к тому, что изменится гидрология данного участка и не придется ли со временем спасать здания гостиницы и Главпочты из-за возможных подвижек грунта, как это сегодня уже приходится делать в отношении многих всемирно известных памятников крымского южного берега.

Немаловажным является и вопрос финансирования этого достаточно дорогостоящего строительства. Без серьезной проработки этого вопроса задевать стройку – авантюрное, сугубо политическое решение. Самой церкви решить вопросы финансирования этого строительства будет явно не под силу. А имеет ли право бюджет Крыма финансировать это строительство, ведь церковь в Украине отделена от государства? И если говорить о том, что государство должно искупить долг перед церковью за разрушенное здание, то возникает несколько юридических особенностей. Во-первых, в 30-е годы государство уничтожило здание, которое церкви не принадлежало, так как все культовые здания были национализированы государством еще в первые годы советской власти и они передавались общинам верующих на основании договоров пользования. Во-вторых, в Крыму в 20-30-е годы XX века наряду с православными храмами были уничтожены десятки других культовых зданий, находившихся в пользовании у различных конфессий: протестантов, католиков, армяно-григориан, мусульман и т.д. Бюджет, из которого планируется направить средства на строительство храма, формируется за счет как юридических, так и физических лиц, т.е. граждан, исповедующих самые различные религии, или являющихся людьми нерелигиозными. Поэтому правомочным будет вопрос, а на каком основании деньги из государственных фондов должны быть потрачены на строительства дорогостоящего храма для православной церкви (одной из 40 конфессий Крыма), а не для соборной мечети мусульман, синагоги, переоборудования здания телерадиокомитета в кенасу, проведения ремонтных работ в убогом здании краеведческого музея, пострадавшего от пожара, реанимации работы сотен кинотеатров и домов культуры, закрытых на замок по всему Крыму и т.д. и т.п.?

Сегодня становится очевидным, что речь о восстановлении собора уже не идет, а на его месте будет построен некий храм, в ограде которого будет расположен танк, и все это будет именоваться «духовно-патриотический» центр. Но ведь храм и танк, пусть и являющийся символом, но все же – представляющий из себя жестокое орудие убийства, оружие, уничтожающее человека - это вещи трудно совместимые. Можно констатировать, что идея возрождения храма в его первоначальном виде уже практически похоронена.

на и заменена на некий суррогат, способный принести определенным группам и личностям кратковременные политические дивиденды. И если уж восстанавливать, так нужно восстанавливать истинный собор, в его окончательно оформленном варианте, который был символом города, а не строить новую церковь в центре города, прикрываясь лозунгами «духовно-патриотического» содержания.

И последнее. А есть ли смысл в строительстве очередного храма в центре города, где уже имеется 5 действующих храмов, расположенных в нескольких сотнях метров друг от друга, в то время как во многих районах города, где проживают по несколько десятков тысяч человек (Залесье, Залесское, маршала Жукова, Б. Куна и т.д.) нет ни одного храма. А не проще ли в память о трагедии построить на месте разрушенного собора в существующем сквере Победы добротную часовню Александра Невского, а остальные средства направить на строительство в различных районах города церквей, мечетей, молитвенных домов для сторонников всех религий, проявив, таким образом, реальную, а не показную заботу о духовном мире верующего человека? А может, направить эти средства на строительство новых корпусов республиканской библиотеки им. Франко, которой пользуются тысячи людей, независимо от их мировоззренческой принадлежности, оснастив ее новейшим оборудованием, закупив для нее тысячи новых книг и оснастив ее электронными средствами связи с другими библиотеками мира и превратив ее в истинный центр духовно-патриотического воспитания?

1. Белова С.Л. Александро-Невский кафедральный собор в Симферополе // Новый град. - Симферополь, 1997. - С. 70-71.
2. Там же. - С. 71.
3. См. Доненко Николай, протоиерей. Претерпевшие до конца. Священники Крымской епархии 30-х годов. - Симферополь: Таврия, 1997. - С. 48-49.
4. ГААРК. - Ф. - Р.663. - Оп. 10. - Д. 816. - Л. 4.
5. Там же. - Л. 143.
6. Там же. - Д. 843. - Л. 166.
7. Там же. - Д. 796. - Л. 4.
8. Там же.
9. Там же. - Д. 796. - Л. 29.
10. Там же. - Ф. 420. - Оп. 1. - Д. 837. - Л. 23.
11. Там же. - Д. 796. - Л. 69.
12. Там же. - Л. 101.
13. Там же. - Д. 796. - Л. 61.
14. Там же. - Л. 70-74.
15. Там же. - Л. 68.
16. Там же. - Л. 79-80.
17. Там же. - Л. 96.
18. Там же. - Л. 97.
19. Там же. - Л. 322.
20. Там же. - Д. 1139. - Л. 380.
21. Там же. - Л. 361.
22. Там же. - Л. 348.
22. Там же. - Л. 348.
23. Там же. - Л. 346.
24. Там же.
25. Там же. - Л. 336.
26. Там же. - Д. 796. - Л. 160-163.
27. Там же. - Д. 796. - Л. 148.
28. Там же. - Л. 176.